

RU

Суфийские практики и особые предписания для женщин в сочинении М.-З. Камалова «Руководство наставников от шайхов халидийской [ветви]»

Хасавнех А. А., Мухаметзянова Л. Х.

Аннотация. Статья посвящена исследованию места и роли женщин и женщин-святых в различных суфийских кругах; в частности, речь идет о накшбандийском и бекташийском орденах. Цель исследования – раскрытие особенностей освещения женской темы в арабоязычном сочинении татарского шайха накшбандийского тариката, действовавшего на территории Волго-Уральского региона, Мухаммад-Закира Камалова (ал-Чистави) «Руководство наставников от шайхов халидийской [ветви]». В исследовании в сопоставительном плане речь идет и о других суфийских сообществах, относящихся к разным тарикатам. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе проделанной текстологической работы в рамках заявленной темы впервые анализируются важные аспекты в этике суфийских сообществ XIX в., действовавших на территории Поволжья, которые нашли отражение в сочинении М.-З. Камалова; на основе полученных результатов и выводов исследования авторы выявляют специфику этических норм поведения, гендерных взаимоотношений в ритуальной практике суфийских братств, действовавших в Волго-Уральском и Кавказском регионах. Результаты научного исследования арабоязычного сочинения М.-З. Камалова «Табсират ал-муршидин...», рукописной марсии-элегии «Мәрсийәе дамелла Мөхәммәд-Закир...» неизвестного автора прямо перекликаются с устоявшимися традициями в отношении места и роли женщины в обществе, сложившимися на протяжении столетий на мусульманском Востоке.

EN

Sufi practices and special prescriptions for women in the work “The guidance of mentors from the Shaikh of the Khalidi [branch]” by M.-Z. Kamalov

Khasavnekh A. A., Mukhametzianova L. K.

Abstract. The paper is devoted to the study of the place and role of women and female saints in various Sufi circles; in particular, the researchers discuss the Naqshbandi and the Bektashi orders. The aim of the study is to reveal the peculiarities of the coverage of the female theme in the Arabic-language work “The guidance of mentors from the Shaikh of the Khalidi [branch]” by the Tatar shaikh Muhammad-Zakir Kamalov (al-Chistavi) of the Naqshbandi tariqa, which operated on the territory of the Volga-Ural region. In comparative terms, the study also considers other Sufi communities belonging to different tariqas. The study is novel in that it is the first to analyse important aspects in the ethics of the Sufi communities of the XIX century operating in the Volga region, which were reflected in M.-Z. Kamalov’s writing, on the basis of a textual work carried out within the framework of the stated topic. In addition, based on the results and conclusions of the study, the authors identify the specifics of ethical standards of behaviour, gender relations in the ritual practice of the Sufi fraternities operating in the Volga-Ural region and the Caucasus. The results of a scientific study of the Arabic-language work “Tabsirat al-murshidin...” by M.-Z. Kamalov, the handwritten marcia-elegy “Mursiye damella Mohammad-Zakir...” by an unknown author directly echo the established traditions regarding the place and role of women in society that have developed over the centuries in the Muslim East.

Введение

Одной из актуальных тенденций современной филологической науки является стремление восполнить пробелы в изучении творческого наследия авторов, незаслуженно остававшихся в тени по различным

причинам. Мухаммад-Закир Камалов (ал-Чистави, 1815-1893) известен на территориях Поволжья, Урала и Северного Кавказа и в целом в исламском мире как суфийский наставник, шайх халидийской ветви накшбандийского тариката (Хасавнех, 2013).

Исследование данной темы базируется на текстологической работе над двумя арабоязычными сочинениями: «Табсират ал-муршидин мин ал-маша'их ал-халидийин» («Руководство наставников от шайхов халидийской [ветви]») (أبو عبدالرحمن محمد بن عبدالوهاب الجستانی, 1999, с. 5-76) М.-З. Камалова и рукописным сборником «Мәрсийәе дамелла Мөхәммәд-Закир хәзрәт әл-Чистай» («Элегия на кончину дамеллы Мухаммад-Закира хазрата ал-Чистави») (Мәрсийәе дамелла..., 1895), составленным одним из учеников-муридов шайха, пожелавшим остаться неизвестным. Переведенные с арабского языка тексты из первоисточников были подвергнуты тщательному научно-сопоставительному и герменевтическому анализу. Наряду с важными вопросами этики и ритуальной практики значительное внимание в «Руководстве наставников...» уделено вопросу места и роли женщин в халидийской ветви накшбандийского тариката. Эти два сочинения послужили исходной теоретической отсылкой, ключом к пониманию этических установок в ритуальной практике суфийских сообществ Поволжья и Кавказа (вступление в тарикат, общение с наставником, чтение дополнительных намазов, коллективных зикров и т. д.).

Помимо этого, текстологическая обработка арабоязычного источника, принадлежащего перу М.-З. Камалова, анализ других первоисточников показывают, что их авторы не ограничиваются лишь трактовкой правил для женщин, желающих вступить в накшбандийский тарикат, их следует рассматривать в качестве важных руководств на пути формирования общественно-философской мысли народов Поволжья, в частности татар. Авторы данного исследования считают, что при изучении этнического самосознания татарского народа в сложные периоды его жизни данное сочинение М.-З. Камалова играет роль ценнейшего материала. В этом заключается актуальность исследования.

Для реализации поставленной цели необходимо решение таких задач, как анализ арабоязычного сочинения М.-З. Камалова, содержащего информацию по малоизученной женской тематике в суфизме; освещение отношения автора сочинения к вопросу роли женщины в религиозной и в общественно-социальной сферах; обобщение полученной информации и систематизация локальных материалов, относящихся к суфийской литературе и проблемам религиозно-философского учения определенного периода. Для решения поставленных задач в качестве основного был использован герменевтический метод. При работе с религиозно-суфийскими сочинениями важно реконструировать текст в историческом аспекте; это не только позволяет точно интерпретировать смысл образов и семантических конструкций, но и сохраняет посыл автора. Герменевтическая трактовка арабоязычных и арабографических сочинений, которые легли в основу исследования, способствовала расшифровке сложных суфийских терминов, глубокому проникновению в аллегорию и своеобразие этико-эстетических категорий в контексте общемусульманской культуры. Кроме того, при анализе суфийских произведений, состоящих из арабских, персидских, вышедших из употребления старотатарских слов, был применен структурно-семиотический метод, благодаря которому удалось объединить структуру текстов с их семантикой, чтобы раскрыть смысловую составляющую, поэтические и стилевые приемы.

Материалами исследования послужили: арабоязычное сочинение «Табсират ал-муршидин мин ал-маша'их ал-халидийин» («Руководство наставников от шейхов халидийской [ветви]») Мухаммад-Закира ал-Казани ал-Чистави Камалова (طبقات الخواجان // شعيب بن ادریس الباكلي. طبقات الخواجان أبو عبدالرحمن محمد بن عبدالوهاب الجستانی. تبصرة المرشدين من المشايخ الخالديين // شعيب بن ادریس الباكلي. طبقات الخواجان ۱۹۹۹ دار النعمان العلوم, ۱۹۹۹), «Руководство наставников от шайхов Халидийской ветви // Шуайб б. Идрис ал-Багини. Поколения накшбандийских наставников и шайхов братства Халидийа-Махмудийа. Дамаск: Дар ан-ну'ман ал-'улум, 1999)), сокращенный вариант этого сочинения – изданная в 1890 году в Казани книга с укороченным названием «Табсират ал-муршидин» («Руководство наставников») (أبو عبدالرحمن محمد بن عبدالوهاب الجستانی. تبصرة المرشدين. قازان، ۱۸۹۰) (Абу 'Абдуррахман Мухаммад б. 'Абдулваххаб ал-Чистави. Табсират ал-муршидин. Казань, 1890)), а также рукописный сборник «Мәрсийәе дамелла Мөхәммәд-Закир хәзрәт әл-Чистай» на старотатарском языке («Элегия на кончину дамеллы Мухаммад-Закира хазрата ал-Чистави») (Мәрсийәе дамелла Мөхәммәд-Закир хәзрәт әл-Чистай. Казань, 1895 // Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 5107), составленный одним из учеников шайха.

Теоретическую базу исследования составляют труды, которые посвящены исследованию истоков, исторических этапов и художественных особенностей развития татарской и мировой суфийской литературы в рамках заявленной темы (Аверьянов, 2011; Barkan, 1942; Baugan, 1987; Хасавнех, 2012; Шиммель, 2000). Так, например, в исследовании А. Шиммель (2000), рассматривающей проблемы суфизма в контексте общемировой мусульманской культуры, пристальное внимание уделено освещению жизнедеятельности одной из первых женщин-суфиев – Раби'е ал-'Адавийе. Автор труда «Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийя» (Аверьянов, 2011) всесторонне исследует малоизвестные научному сообществу биографии женщин-святых (аулийя) из бекташийского суфийского ордена, преимущественно живших на территории Османской империи. Рассмотрению женского образа в средневековых мусульманских литературах посвящена монография дагестанского ученого А. К. Амрахова (2019) «Единобожие и мистицизм». В данном исследовании на передний план выдвигается тезис о том, что по сравнению с другими ответвлениями ислама суфизм с самого своего зарождения проявил благосклонное отношение к представительницам прекрасной половины человечества, всячески содействуя их популяризации. К сожалению, деятельность женщин-суфиев недостаточно изучена в отечественной востоковедческой литературе, что нельзя сказать о трудах наших зарубежных

коллег. В этом плане стоит отметить исследования О. Л. Баркана и М. Байрама (Barkan, 1942; Bayram, 1987), которые рассмотрели деятельность женщин-дервишей, зачастую стоявших во главе бекташийского тариката. При этом авторы проводят прямую параллель между бекташийской и дионисийской обрядовой практикой, восходящей к древним традициям Анатолии. В нашем исследовании мы также опирались на агиографическое сочинение Ибна ал-Джаузи (ابن الجوزي, 2012), в которое вошли биографические данные около сотен первых известных арабской историографии аравийских женщин-святых (*аулия*).

Практическая значимость работы заключается в том, что выявленные в ходе исследования выводы и полученные результаты могут быть задействованы в дальнейшем при разработке проблем суфийской литературы в эτικο-эстетическом аспекте; материалы и заключения авторов данной статьи также могут быть использованы в лекционных курсах по литературе и исламоведению.

Обсуждение и результаты

«Табсират ал-муршидин мин ал-маша'их ал-халидийин» («Руководство наставников от шайхов халидийской [ветви]») (أبو عبد الرحمن محمد بن عبد الوهاب الجسناوي, 1999, с. 5-76) суфийского шайха накшбандийского тариката Мухаммад-Закира Камалова (ал-Чистави) (1804-1893), известного татарского религиозного и общественного деятеля, основателя знаменитого медресе «Камалия» в г. Чистополе, написанное на арабском языке и включенное в состав сборника Шу'айба б. Идриса ал-Багини (1857-1912), имеет большое значение в изучении особой исламской науки – суфизма – на территории Поволжья. Об авторе данного сочинения «известно, что он в течение почти полувека служил имам-хатыбом в г. Чистополе Казанской губернии, содержал весьма крупное по тем временам медресе Камалия, выпускниками которого стали такие выдающиеся представители татарского народа, как Р. Фахреддин, Ф. Карими, Г. Гафуров-Чыгтай, Г. Исхаки и др.» (Хасавнех, 2012, с. 78-79). В книге суфийского автора подробно рассматриваются вопросы этики и ритуальной практики суфиев халидийской ветви накшбандийского тариката.

В рукописной версии сочинения ал-Чистави указана дата переписи – 1321 г. х. / 1903 г. В сокращенном варианте оно было издано в Казани в 1890 году на благотворительные средства известного татарского ученого, общественного деятеля и просветителя Галимджана Баруди (1857-1921). Сочинение состоит из введения, 23 глав, заключения и включает в себя поясняющие рисунки (Амрахов, 2019, с. 15-16).

Особое внимание в сочинении татарского шайха М.-З. Камалова привлекает глава, которую сам автор выделил как важную. Речь здесь идет о перечне правил для женщин, желающих вступить в накшбандийский тарикат. В частности, автор пишет о том, что женщины не должны быть молодого возраста, при входе в дом к наставнику им следует соблюдать все правила, вменяемые мусульманкам. Суфийские практики им предписано совершать дома, и при этом рекомендуется воздержаться от проведения коллективных духовных практик (*хатм джам'ийа* и *халкату таваджжух*) совместно с мужчинами. Однако им разрешено собираться вместе по тридцать человек, включая также искренних (*мухлисун*) соседей из числа женщин для практики коллективных зикров (أبو عبد الرحمن محمد بن عبد الوهاب الجسناوي, 1999, с. 26). Также сказано, что женщины могут исполнять [предписания] после завершения всех домашних дел. Что интересно, в тарикат не принимались молодые девушки, а также прекрасные юноши, не носящие бороды. В одном из «Важных примечаний» вышеуказанного сочинения сказано, что при встрече с шайхом женщинам следует находиться за ширмой или между двумя родственниками из махрам, но никак не наедине с ним.

Что касается возраста, то в сочинении этой стороне вопроса уделено большое внимание. Так, выражение «не в молодом возрасте» означает: не обучают зикру молодых женщин, сначала им нужно усвоить соблюдение всех этических норм [в тарикате]. Осведомленность в этике еще не является основанием для женщин в их продвижении по духовной лестнице, в этом деле необходимы успех и помощь Аллаха (*тауфик*) в совершении благих дел, в то время как молодой возраст, а также занятия непристойными делами (*ахл ал-хава*) преимущественно являются препятствием к благопристойности (*тауфик*). Как только исчезают любовь плотской души (*нафс*) и молодость девушки, то душа возвращается к требованию шайха, господина (*маула*), и женщины испытывают пользу от обучения [религиозным дисциплинам] (بن عبد الوهاب الجسناوي أبو عبد الرحمن محمد, 1999, с. 22). Нужно отметить, что в вопросах особых предписаний для женщин автор «Руководства наставников...» опирается на мнение Халида ас-Сулеймани, более известного по имени Халида ал-Багдади (1779-1826), являющегося 30-м духовным звеном в цепи преемственности шайхов тариката Накшбандийа, основателя ветви Халидийа. М.-З. Камалов в своем сочинении называет его авторитетом (*худжжа*), по его словам, «он наставник в своем мазхабе» (أبو عبد الرحمن محمد بن عبد الوهاب الجسناوي, 1999, с. 22).

Известно, что на протяжении истории существования суфизма идеалом для суфиев всегда был «мужчина» или «добродетельный юноша». Сана'и писал, что созвездие Большой Медведицы, по-арабски называемое Банат ан-на'ш, «Дочери [похоронных] носилок», своим названием показывает, что дочери лучше на похоронных носилках, чем живые (Шиммель, 2000, с. 330). Существует масса примеров в мусульманских литературах, когда авторы сравнивают земной, преходящий мир со старой, уродливой женщиной или, напротив, с молодой соблазнительной девушкой, всячески призывая избегать его. «Этот мир подобен старой карге, которая красит свое дряхлое беззубое лицо, используя даже обрывки истлевшего украшенного Корана, чтобы спрятать свои морщины. Таким образом, она пытается соблазнить мужчин, она подобна “зловонной скрюченной старой самке. Которая каждый день убивает по тысяче мужей”, распутнице. Безбожной и подлой матери. Пожирающей своих детей» (Амрахов, 2019, с. 634). В «Панднаме» Ф. Аттара есть следующие строки: «Зал-и дунья чун гарус-араст-эст, һәр ду рузи шуй-и дигәр хаст-эст. / Ләб бә пиши шуй-и хәндан маконәд, Пәс һәляк әз-зәхми дәндан

миконэд» (Цит. по: Госманов, 1988, с. 26). / «Старуха [земного] мира словно украсившая себя невестка: каждый новый день требует к себе нового мужа. Перед каждым на губах ее улыбка, но после укусом их губит» (здесь и далее – перевод авторов статьи. – А. Х., Л. М.). Был, естественно, и ряд исключений, когда в различных обществах появлялись женщины-святые. Несомненно, самым ярким примером в этой плеяде является Раби‘а ал-‘Адавийа (717-801), великая влюбленная. Но и здесь оговорка: когда женщина идет по пути Бога, как мужчина, ее нельзя назвать женщиной. «Согласно известному суфийскому изречению, женщина, вступившая на этот путь, перестает быть женщиной по своей сути (не физической, а духовной), становясь одним из страждущих путников (*саликун*)» (Амрахов, 2019, с. 326). По мере развития мистического аспекта ислама именно Раби‘а ал-‘Адавийа была первой, кто заговорил о божественном на языке, который считается, собственно, суфийским, когда к Богу обращаются как к Возлюбленному. Сведения о женщинах-святых (*аулийа*) имеются в исторических очерках многих народов. Так, например, известно, что они встречались в алевизме. В стихах Пир Султана Абдала упоминается Чичек-ана («Мать-цветов»). На горе Чичек-дагы есть могила «Сорока дев» (*Кырк кызлар*) и т. д.

Важно отметить, что, в отличие от ортодоксальной мусульманской традиции, суфизм изначально предоставил женщинам широкую возможность проявления себя как в религиозной, так и в общественно-социальной сферах. Этого мнения придерживается и А. К. Амрахов, который утверждает, что «отношение суфизма к прекрасному полу было амбивалентным, можно даже сказать, что суфизм был более благосклонен к развитию женской активности, чем другие ответвления ислама» (2019, с. 629).

Известно, что многие поколения мусульман наиболее трепетно и почтительно относились к Мариям (*библ. Мария*) – матери пророка Аллаха Исы, Амине – матери пророка Мухаммада, Хадидже – его первой и единственной при жизни супруге и дочери Фатиме, которая подарила посланнику Аллаха внуков, продолжателей рода. В этом почитании, пожалуй, и было заложено зерно для дальнейшего развития культа святых женщин. Поначалу в святых женщинах (*аулийа*) ценились такие качества, как богобоязненность, усиленное служение Аллаху, пренебрежение материальными благами и потребностями тела, скромность, терпение. В более поздние века к этим качествам присоединились следующие: знание религиозных законов, образованность, благотворительность, способность чудотворства и т. п.

В некоторых суфийских орденах женщины участвовали в собраниях наряду с мужчинами; в других – женщины собирались отдельно от мужчин. Некоторые женщины следовали аскетическому пути и посвящали себя Богу, живя вне общества, как, например, Раби‘а. Другие занимались благотворительностью, оказывая помощь многим дервишам. У большого числа известных мастеров были женщины-учителя, ученицы и духовные сестры, которые имели сильное влияние на их жизнь и взгляды. Будучи чьими-то женами и матерями, они поддерживали свои семьи, одновременно продолжая свое странствие к единению с Возлюбленным. Ибн Араби, великий «Полюс Знания» (1165-1240), упоминает о двух женщинах-мистиках, которые оказали на него сильное влияние: Шамс из Марчены, одна из «плачущих», и Фатима из Кордовы. Кроме того, известно, что многие ранние мистики с мировым именем, такие как Баязид Бистами (804-846), Зу-н-Нун ал-Мисри (796-859), ал-Хаким ат-Тирмизи (755-869), имели в качестве своих наставников святых женщин, которые оставили заметный след в их духовном восхождении. К их ряду можно отнести Фатиму Нишапури (ум. 838), Фатиму или Джахан-Ару, дочь индийского императора Шаха Джахана.

На территории Персии и Древней Аравии первые активные суфийские сообщества женщин появляются приблизительно с IX века, первоначально под призывом к аскетизму (*зухд*) и искренней любви (*махабба*) к Аллаху. Несмотря на то, что идеологами мистического течения, проповедниками и святыми (*аулийа*) изначально считались мужчины, в мусульманском обществе Ближнего Востока находилось немало особо набожных женщин, которые также входили в число первых суфиев-аскетов. Известное сочинение Абу ‘Абд ар-Рахмана ас-Сулами (ум. 1021) «Братья и сестры в суфизме» – один из самых ранних трудов в исламе; оно долгое время считалось утерянным. В книгу включены жизнеописания около сотен женщин-суфиев, живших на обширных землях Аравии в период с VIII по XI в. Хотя в то время среди арабских племен и народов по большей части религиозные знания передавались устно, можно встретить немало письменных источников, написанных рукой представительниц прекрасной половины человечества. Среди первых женщин-суфиев, таким образом, можно упомянуть сестру Ибрахима б. Адхама (ум. 160/876); Забаду бинт ал-Хафи (ум. 741). Последней принадлежит выражение: «Самое тяжкое для раба Господа – это его грехи, самое легкое для него – покаяние (*тауба*)» (Цит. по: ابن الجوزي, 2012, с. 514). Женщины-суфии отличались сильной набожностью и богобоязненностью, ограничивали себя в еде и сне, вели суровый, аскетичный образ жизни, имели большое количество учеников и последователей.

К сожалению, немногие ученые, изучавшие суфийскую тематику, как в литературных произведениях, так и в разрезе исторических изысканий, обращались к женской тематике; одним из таких исследователей является турецкий ученый О. Л. Баркан, которому удалось установить, что во главе большинства суфийских обителей (*завийе*) в период колонизации стояли женщины. Он перечисляет их имена: Кыз Ана, Ахи Ана, Сагры Хатун, Хаджи Фатима, Хаджи Баджи, Хунди Баджи Хатун, Суме Баджи и т. д. (Barkan, 1942, s. 323). В этот ряд, по мнению отечественного ученого Ю. А. Аверьянова, исследовавшего орден Бекташийя, «нужно поставить и Кадынджык Ана, наследницу Хаджи Бекташа Вели» (2011, с. 31). Известно, что в бекташийском тарикате установились достаточно демократические правила в отношении женщин. Так, например, они могли быть назначены на должность управляющего имуществом того или иного вакфа (*мутевелли*). О. Л. Баркан приводит даже два случая, когда шайхами становились женщины (Barkan, 1942, s. 315-316). В 1987 г. в Конье было издано исследование М. Байрама о женщинах-дервишах, близких к тарикату Хаджи Бекташа Вели, которое вызвало немало споров и дискуссий (Bayram, 1987). Автор сравнивает обрядность бекташи с дионисийской и приходит

к выводу, что собрания с пением гимнов, с танцами, с равенством участников мужчин и женщин, с совместным исполнением ими обрядов не были «изобретены» Хаджи Бекташем и восходят к древним традициям населения Анатолии (Ваграм, 1987, с. 100). М. Ф. Кёпрюлю в ответ на утверждение об отсутствии в позднем Средневековье на мусульманском Востоке социальной организации женщин считал, что в Малой Азии существовала даже некая вооруженная и воинственная женская община (*баджийан*), параллельная тайному «мужскому союзу» *ахи*. По поводу деятельности и функционирования данной общины мы до сих пор не имеем достаточных сведений, и это рождает почву для появления самого разного рода домыслов (Аверьянов, 2011, с. 322).

На территории Поволжья и Приуралья испокон веков существовало вполне демократичное отношение к прекрасной половине человечества. Так, например, согласно архивным документам, относящимся к XIX-XX векам (Бустанов, 2009, с. 167), женщины наравне с мужчинами исполняли коллективные зикры (*хатм-и хважаган*), в особенности это зафиксировано в населенных пунктах Сибири. Приведем другой пример: согласно архивным документам и сводкам Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) (Бустанов, 2009, с. 168), в 50-70-е годы в Дагестане были женщины, которые руководили группами муридов, по сути, исполняя функции шайхов.

Автор сочинения «Табсират ал-муршидин...» («Руководство наставников...») М.-З. Камалов и сам, будучи совершенным наставником, (*муршид камил*) имел среди своих муридов представительниц прекрасной половины человечества. Об этом факте упоминается в одной из марсии-элегий, составленных в стихотворной форме, автор которой предпочел остаться неизвестным: «Хак Тәгалә шәбабындин вирде хикмәт, жәмг фән, / Дәрседин тәглим алырлар әһлийәсендин әһле зан. / Хак Тәгалә вирсә иде гомренә тул бәка, / Тәдрис-тәглимедән һәр фән алыр әһле сафа» (Мәрсийәэ дамелла..., 1895, с. 14). / *Аллах Всевышний с молодю дал ему мудрость и науки, / Черпали знания из его уроков и женщины близкого круга. / Если бы Аллах одарил его вечной жизнью, / Получали бы знания обладатели чистоты [суфии]*.

Таким образом, вышеприведенные примеры позволяют заключить, что женщины в суфийских кругах благодаря аскетичному образу жизни, благим деяниям и личным высоко этичным качествам испокон веков занимали достаточно значимое положение в общественной жизни целого ряда мусульманских народов. Несмотря на противоречивое отображение образа женщины в литературных произведениях средневековой литературы, отношение к ней в большинстве суфийских тарикатов было вполне демократичным.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Анализ арабоязычного сочинения татарского накшбандийского шайха М.-З. Камалова «Руководство наставников...» показал, что теоретические принципы, заложенные в ритуальной практике приверженцев халидийской ветви накшбандийского тариката, широко распространенного на территориях Поволжья, Урала и Кавказа, в целом носят умеренный характер. Женщины, состоявшие в суфийских рядах этого тариката, занимали среди его сподвижников достаточно высокое положение. Кроме того, в отличие от многих других суфийских братств, в накшбандийском тарикате широко были распространены случаи, когда наставником (*муршид*) учеников-муридов могла стать женщина, которая пользовалась большим авторитетом в соответствующих кругах.

Женщины-суфии на протяжении многих столетий принимали активное участие в религиозной и общественной жизни исламского мира, в особенности внутри суфийских сообществ накшбандийского и бекташийского тарикатов. Этот факт зафиксирован не только в исторических архивных документах, но и на страницах арабоязычных и арабиграфических рукописных сборников агиографического содержания, теоретических трудов с подробными разъяснениями мистических практик, марсии-элегий и т. д.

Култ святых женщин (*аулийа*), развитый во многих суфийских тарикатах в обширном ареале мусульманского мира, включая Поволжье, Кавказ, Турцию, Ближний Восток, страны Северной Африки, также свидетельствует в пользу высокого положения представительниц прекрасной половины человечества, начиная с истоков развития мистицизма в исламе, приведшего впоследствии к образованию суфийских сообществ.

В целом женская тематика в суфизме, несмотря на ее малоизученность, вызывает немалый интерес со стороны исследователей аспектов этого сложного религиозно-философского учения; она требует в дальнейшем специального углубленного изучения в сравнительно-сопоставительном плане, т. к. в каждом из известных на сегодняшний день тарикатов данная проблематика имеет ряд своих особенностей и характерных черт. Надеемся, что обнаруженные нами результаты дополняют систему теоретических и практических знаний в области суфийской литературы и послужат толчком в плане перспективы дальнейших научных изысканий.

Источники | References

1. Аверьянов Ю. А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийя = Hadji Bektash Veli and the sufi brotherhood bektashiyya. М.: Марджани, 2011.
2. Амрахов А. К. Единобожие и мистицизм: монография: в 2-х т. Махачкала: Лотос, 2019. Т. 1.
3. Бустанов А. К. Рукопись в контексте сибирского ислама // Селезнёв А. Г., Селезнёва И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Марджани, 2009.
4. Госманов М. Г. Габделжаббар Кандальй. Шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988.

5. Хасавнех А. А. Биографические сведения о татарском шейхе Мухаммад-Закире ал-Чистави в дагестанских арабоязычных рукописях // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 1 (18).
6. Хасавнех А. А. Накшбандийский шайх Волго-Уральского региона М.-З. Камалов и его сочинение «Табсират ал-муршидин» // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155. № 3-2.
7. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт. М.: Алетейя; Энигма, 2000.
8. Barkan Ö. L. Osmanlı İmparatorluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak vakıflar ve temlikler // Vakıflar dergisi. 1942. Sayı II.
9. Баграм М. Васыан-и Рум, Selçuklular tarihinde kadın tekilatları. Konya, 1987.
10. يبرغل باتاكل راد: توريپ. ؤوفصل اتافص. يلع نب نم حرلداب ع جرفلا وبأ، يزوجل نبا. ٢٠١٢ (Ибн ал-Джаузи, Абу ал-Фарадж 'Абд ар-Рахман бин 'Али. Качества жизни в достатке. Бейрут: Дар ал-киتاب ал-'араби, 2012).

Информация об авторах | Author information

RU

Хасавнех Алсу Ахмадулловна¹, д. филол. н.
Мухаметзянова Лилия Хатиповна², д. филол. н., доц.

¹ Центр письменного наследия Болгарской исламской академии

² Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

EN

Khasavnekh Alsou Ahmadullova¹, Dr
Mukhametzyanova Liliia Khatipovna², Dr

¹ The Center of the Written Heritage of the Bulgarian Islamic Academy, Bolgar

² Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of Tatarstan Republic, Kazan

¹ alisse_12345@mail.ru, ² lilmuhat@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.08.2023; опубликовано online (published online): 28.09.2023.

Ключевые слова (keywords): суфийская литература в Поволжье; сочинение татарского шайха М.-З. Камалова; женщины-святые; тарикат; самосознание народа; Sufi literature in the Volga region; work of the Tatar sheikh M.-Z. Kamalov; female saints; tariqa; self-consciousness of the people.